

ПСЕВДОПРИМЕТЫ: ВЕРИТЬ ИЛИ НЕТ?

Н.Н. Фаттахова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Россия, Казань, Кремлевская 18

Приметы рассматриваются как один из древних способов кодирования бытового поведения, беспрекословное соблюдение которых гарантировало архетипическому человеку стабильность и благополучие в повседневной жизни. Бытовые приметы фиксируют кодификацию будничной жизни, оформляя в виде устойчивых, хорошо структурированных моделей, дошедших до наших дней практически без изменений.

Цель работы – исследовать так называемые «псевдоприметы», которые лежат в основе телевизионного сериала «Слепая» (638 серий), специфику их функционирования во временном континууме. Представленная парадигма новых примет эксплицирует новые свойства и признаки древнего жанра на основе системных и несистемных связей, возникающих на пересечении основных семантических координат, выстраивается особый модельный тип примет, свидетельствующий о попытке мифологизации сознания современного человека, поскольку телевидение, являясь эффективным средством внушения, размывает грани между реальностью и вымышленным миром. Результаты исследования, проводимого в течение 30 лет, свидетельствуют о том, что если метеорологические и сельскохозяйственные приметы постепенно переходят в пассивный запас русского языка, то бытовые приметы активно используются в разных группах населения. В числе аргументов в пользу данного вывода можно отметить и появление значительного количества научных исследований, ориентированных на описание суеверий и на поиск ответа на вопросы: почему возникли суеверия, для чего они нужны, почему мы в них верим. Материал статьи позволил сформулировать объяснение оснований для прогнозирования наиболее вероятных причин столь широкого распространения бытовых примет.

Ключевые слова: бытовые приметы, кодификация будничной жизни, структура примет, семантико-синтаксические отношения.

Введение

Содержание словосочетания «народная примета» до сих пор чётко не определено, оно используется для обозначения разного рода устойчивых конструкций, построенных на наблюдении за взаимодействием человека с окружающей действительностью. При этом почти все публикации, связанные с описанием паремиологического фонда русского языка, включающего наряду с пословицами, поговорками и приметы, содержат указание на то, что приметы относятся к произведениям народного творчества особого рода. В XIX веке основное внимание исследователей было уде-

лено вопросам происхождения малых жанров фольклора, отражению в них «первобытного мирозерцания», характеристике символической сущности подобных конструкций. Н.В. Крушевский, размышляя о природе возникновения заговоров, примет, предсказаний о погоде, поверий, писал: «ум человеческий всегда склонен смешивать наблюдение с выводом. ... Повсюду в природе первобытный человек видит явления, он делает вывод, что это суть действия, смешивает вывод с наблюдением и убеждён, что он видит повсюду действия» [5, с. 6]. А.Н. Афанасьев считает, что «примета всегда указывает на какое-нибудь соотношение, большею частью уже непонятное для народа, между явлениями

физического и нравственного, из которых одно служит предвестием другого, непосредственно за ним следующего, долженствующего сбыться в скором времени» [1, с. 240]. А.А. Потенция считает, что «примета в своём древнейшем виде есть развитие отдельного слова, видоизменение сравнения», и указывает на причинно-следственную связь двух явлений: «примета предполагает, что лежащие в её основании члены сравнения тесно ассоциировались между собою и расположились так, что в действительности дан только первый, вызывающий своим присутствием ожидание второго» [10, с. 176].

В конце XX века обострился интерес к изучению народной приметы и были достигнуты значительные результаты в определении статуса народных примет на пересечении разных дисциплин, в частности фольклористики и лингвистики, как на материале одного языка, так и в сопоставительном аспекте. Реализованные в русле лингвофольклористики исследования позволяют детализировать специфику примет как фольклорного текста, рассмотреть структурно-семантические особенности, выявить значимые концепты и ключевые слова, определить прагматико-предсказательную природу, детально описать семантико-синтаксическую и пропозиционально-модусную структуру примет, изучить их в сопоставительном аспекте. Исследования последних лет значительно расширили наши представления о структуре, семантике, синтаксисе и прагматике народных примет русского языка. Народная примета определяется как клишированное высказывание, реализующее прогностическую функцию [9, с. 256]. В.К. Харченко считает, что примета – это «проверенное многократными наблюдениями или традиционно принятое и передаваемое из поколения в поколение предсказание событий» [14, с.78]. Нам представляется, что приметы можно определить как «устойчивые конструкции, в которых запечатлён коллективный опыт взаимоотношений с природной средой определённого этноса, и построенный на основе данного опыта прогноз-предсказание» [12, с. 40]. Кроме того, сопоставительное изучение примет в разноструктурных языках привело к убеждению в том, что структура народных примет универсальна, поскольку она построена на формуле «Если А, то следует ожидать В», внешне напоминающей логическую импликацию, однако в основе любой приметы лежит ожидание, кото-

рое не требует обоснования, мотивации. «На ожиданиях, а не на логических оценках, связях, зависимостях зиждется всё раннее воспитание членов общества. Ожидание возникает в сознании раньше, чем формируется способность критически, то есть «логически» мыслить» [16, с. 70-71]. Семантика ожидания во всех сопоставляемых нами языках (русском, английском, немецком, татарском, турецком и китайском) отражается в условно-временных конструкциях, имеющих конкретные языковые воплощения. Стратегия идентификации народных примет, их отграничение от сходных конструкций во всех языках опирается на системообразующие признаки: лексические, семантико-синтаксические и функциональные. На этом общем фоне к настоящему моменту сформировались некоторые критерии разграничения различных групп народных примет, к которым традиционно относят метеорологические, сельскохозяйственные, бытовые, профессиональные, а также суеверия. Очевидно, суеверные приметы – самая ранняя группа примет, в основе которых лежит убеждённость в том, что слово – это не условное обозначение некоторого предмета, а его часть. Такое представление было характерно для дологического мышления первобытного человека, который считал, что рассказа о прошлом достаточно, чтобы объяснить настоящее; сходные явления могут не просто сближаться, но отождествляться; следование во времени может пониматься как причинно-следственная связь, а имя вещи – как её сущность [6, с. 42]. В настоящее время осуществляются исследования в области анализа современных суеверных примет, их соотношения с религией. Учёные указывают, что вера в приметы многократно возрастает, если человек сталкивается с риском, опасностью, непредвиденной ситуацией, в частности, Габриэля Лепори рассматривает проблемы зависимости принятия экономических решений от явлений, наблюдаемых на небе [17, с. 3].

Приведённый обзор исследовательских работ позволяет утверждать, что проблема структурно-семантического и прагматического анализа народных примет является весьма актуальной, однако вопрос их функционально-коммуникативной реализации практически не прояснён, при том, что обращение к дискурсу, прежде всего кинематографическому, даёт возможность выявить причины активизации суеверий в современном обществе.

Основная часть

Сущностные характеристики приметы

Основной признак народной приметы состоит в том, что между двумя событиями нет логической связи, с таким пониманием переключаются и высказывания писателей, например, Л. Толстой пишет: *«Крестьяне говорят, что поздней весной дует холодный ветер, потому что почка дуба развёртывается, и действительно, всякую весну дует холодный ветер, когда развёртывается дуб. Но хотя причина дующего при развёртывании дуба холодного ветра мне неизвестна, я не могу согласиться с крестьянами в том, что причина холодного ветра есть развёртывание почки дуба потому только, что сила ветра находится вне влияний почки. Я вижу только совпадение тех условий, которые бывают во всяком жизненном явлении...»* [11, с. 465]. Однако, как показывают исследования учёных, в основе большинства примет лежат определённые объективные факты, основанные на причинно-следственных связях. Например, И. Панкеев, рассматривая примету *Соль просыпать – к скорю*, указывает на то, что соль долгое время на Руси была дорогой, поэтому относились к ней как к очень ценному продукту, следовательно, просыпать соль – значит навлечь на себя гнев [8, с. 62]. Биологи объяснили справедливость приметы: *Где ольха, там сена вороха*, астрономы подтверждают примету: *На Тихона солнце идёт тише*, сибирские генетики экспериментально проверили справедливость приметы: *Если больше рождается мальчиков, дело идёт к войне*. Энтомологи, орнитологи, фенологи профессионально объясняют приметы, в которых говорится о насекомых, птицах, погодных условиях [14, с.76].

Материалы и методы

Так что такое примета и почему в настоящее время возрождается этот древний жанр фольклора? Поиски ответа на поставленный таким образом вопрос требуют выхода за рамки понимания приметы только как элемента фольклорного жанра и анализа не только внешней структуры приметы, но и внутренней, кроме того, требуют применения адекватных методов исследования, к которым можно отнести оппозитивный, ассоциативный, прототипический и ситуационный подходы с их ключевыми понятиями. Очевидно, первоначально приметы были основаны на долгосрочных наблюдениях за погодой, это была просто констатация факта, которая затем получала практическое значение:

стремление определить погоду на предстоящий день было продиктовано необходимостью планирования деятельности на следующий день, поскольку оно влияло на урожай, а следовательно, на условия выживания первобытного человека: *Если зимой тепло – летом холодно* [4, с. 310], *Если зимою вьюги – летом ненастье* [4, с. 310], *Холодная зима – благодать – к урожаю* [4, с. 310]. Приметы возникали на основе наблюдений за природными явлениями, животным и растительным миром: *Если зимой тепло – летом холодно* [4, с. 566]; *Журавль прилетел – тепло принёс* [4, с. 129]; *Ранний прилёт жаворонков – к тёплой весне* [4, с. 129]. Наивная метеорология тесно связана с сельскохозяйственными приметами, которые позволяли определить благоприятное время для осуществления сельскохозяйственных работ, регламентировали поведение человека в условиях прямой зависимости первобытного человека от природы в условиях непредсказуемости и неопределённости получения урожая: *Много снегу – много хлеба* [3, с. 310]; *Коли в мае дождь, будет и рожь* [3, с. 327]; *Звёздная ночь с 15 на 16 января – к урожаю льна* [4, с. 40]. Метеорологические и сельскохозяйственные приметы передавались из поколения в поколение, они регламентировали деятельность не только крестьянина, но представителей других профессий: моряков, охотников и других, так как умение ориентироваться по природным знакам помогало не только быть успешным в профессии, но и сохранить свою жизнь и имущество. Параллельно развивались и бытовые приметы, представляющие собой своеобразный кодекс бытового поведения, который нормирует и регламентирует поведение человека в различных ситуациях.

Семантика предсказания, реализованная в разных группах примет, на поверхностном уровне выражается в условно-временной конструкции, которая находит своё отражение в сложноподчинённых, сложносочинённых, бессоюзных и простых предложениях. Условно-временная семантика может выражаться эксплицитно (на лексическом и семантико-синтаксическом уровнях) и имплицитно. Основное различие между разными группами народных примет находится в плоскости дополнительных семантических значений (обобщённости, аналогичности) и прагматических установок. Поскольку нас интересуют бытовые приметы, в основе которых лежат поведенческие коды, складывавшиеся исторически и существующие в виде «неписанных и

писанных законов» [6, с. 297], определённое место в дальнейших исследованиях может занять изучение проблемы соотношения структуры и семантики, реализованных в суевериях. «Неписанные законы основаны на убеждённости, что *так все делают, так ведётся издавна, так все делают, и я должен делать*. Народные приметы кодифицируют будничную жизнь и поведение человека, формируя универсальные правила, которые могут быть приложены к широкому кругу повседневных явлений» [13, с. 122].

Результаты

Приметы в кинематографическом дискурсе

Приметы, лежащие в основе сериала «Слепая», актуализируются бабой Ниной, поскольку в традиции основными носительницами и хранительницами архаической информации являются женщины (старухи) [15, с. 157]. Баба Нина источник всех бед, происходящих с современным человеком, видит в не знании, в не соблюдении, в нарушении приметы (*есть такая примета, беда не просто к тебе пришла, разве не знал, что есть такая примета, ты сам виноват* и т.д.). Любой предмет, любая вещь, окружающая современного человека, может быть прочитана как знаковая, санкционированная устной традицией. К словам бабы Нины можно относиться с недоверием, особенно если жизненный опыт противоречит суеверной примете, можно доверять, полагаясь на бабу Нину как носительницу скрытых от непосвящённых знаний. Современному человеку, чтобы верить, «несущественно проверять истинность правила на опыте: он ему не нужен, во всяком случае, необязателен. Более того, опыт может не совпадать с правилом, даже противоречить ему, но не опровергнет правило» [15, с. 174]. Псевдоприметы внешне сохраняют все признаки народных примет, зафиксированных в словарях, месяцесловах, сборниках: они имеют структуру: *Нельзя...иначе* (запрет/разрешение... предостережение), при этом строятся на универсальных семиотических оппозициях: пространственных, временных, гендерных, возрастных, колористических и других, сохраняющих традиционное толкование. Наиболее частотны оппозиции свой–чужой, левый–правый, внутренний–внешний, полный–пустой и др. Семантика предсказания – универсальная для всех разновидностей примет – в бытовых приметах координируется с установкой на запрет/разрешение, с подчёркиванием изначальной свя-

зи их с семантикой аналогии, сходства явлений, поставленных в зависимость друг от друга. На этом принципе построены и приметы, лежащие в основе телевизионного сериала, когда подобное провоцирует появление подобного, как правило, негативного явления: *Нельзя недопитый чай в чашке оставлять, иначе жизнь будет неполной; Если в комнате стоит пустой чемодан, начинает человек о пустом суетиться; Если сахарница в доме всегда полная, то и жизнь будет полной, если пустая, то и жизнь пустая; Чужим именем называться плохая примета, можно с чужим именем чужую судьбу получить*.

В таких приметах фиксируется переход от предполагаемой денотативной ситуации до её вторичного осмысления с учётом имеющихся у транслятора исходных знаний. При этом в отличие от примет, зафиксированных в словарях, кинематографические варианты их употребления предполагают перевод семантики предположения в утверждение объективности той или иной ситуации. Наряду с модусом знания, предсказания, который носит облигаторный характер, кинематографический дискурс раскрывает и семантику веры/неверия в приметы.

В кинематографических приметах одной из наиболее частотных (200 примеров) является оппозиция *свой–чужой*, которая соответствует понятию норма – не норма. Данная оппозиция фиксируется и в сборниках, и в словарях, однако она не является многочисленной (10 примеров), поскольку основной центр в традиционных приметах – это свой дом, семья, ограниченный круг общения, без взаимоотношений с чужими: *О дне и часе родов чужим нельзя говорить* [8, с. 11], *Забрать какую-либо вещь в чужом доме – к скорому возвращению туда* [8, с. 42]; *Чужих кур не считай – сглазишь* [8, с. 77]; *Не бери чужой носовой платок – с ним и чужие слёзы к тебе перейдут* [8, с. 99]; *Если кто-то чужой по твоим следам идёт, то он забирает у тебя, впереди идущего, силу* [8, с. 113].

Кинематографические приметы активно используют данную оппозицию, при выделении которой имеется в виду акцентирование внимания на том, что она не является равнозначной, её можно разделить на составляющие компоненты, степень выраженности которых определяется количественно. Правая часть оппозиции значительно превалирует над левой (182/ 18), что свидетельствует о большем влиянии *чужого*¹ на раз-

¹ Чужой – 1. Не свой, не собственный, принадлежащий другим; 2. Не родной, не из своей семьи, посторонний [7, с. 889].

² Свой – принадлежащий себе, имеющий отношение к себе [7, с. 704].

личные жизненные ситуации. Запрет в приметах, зафиксированных в словарях, формирует алгоритм поведения человека в наиболее значимых жизненных ситуациях. Кинематографический дискурс расширяет спектр такого рода ситуаций, в центре которых отношения *свой – чужой*, при этом чужим может быть не только *незнакомый, посторонний, другой, незванный*, но и человек *близкий*, связанный родственными отношениями (мать, отец, брат, сестра и другие). *Свой* – только сам человек, значение «Родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью» [7, с. 704] исключается из понятия *свой*. Таким образом, сужается пространство своего и расширяется пространство чужого в жизни человека. Запрет существует на действия: *Нельзя, чтобы чужая женщина еду солила, иначе чужая место в доме займёт вместо жены; Нельзя подарки, что любимый дарит, другим дарить, так любовь потерять можно*; на предметы: *Нельзя пользоваться чужими шпательками, так можно чужие проблемы в свою жизнь принести*; на хранение чужих вещей: *Нельзя женщине вещи постороннего мужчины (брата) дома хранить – разлад с мужем будет*; на присутствие чужого человека в доме: *Если поздно вечером чужого человека в дом пустить, покоя не будет; Не пускать незваных гостей, иначе будут похороны*; на чужие имена: *Нельзя чужим именем представляться – это плохая примета, будешь несчастна*.

Признание оппозиции *свой–чужой* прототипной в кинематографическом дискурсе основывается на представлении её типичности для современной действительности и на результате взаимодействия некоторых факторов, свидетельствующих о том, что бытовые приметы, или суеверия, становятся всё более популярными. Приметы используются для снятия ответственности с человека за его поступки и шире – его жизнь. Вина человека состоит в том, что он не знает приметы, потерял древние знания, не видит логической связи между вещами и событиями, а не в его поступках, его отношении к жизни и с людьми (*вижу, почему тебе не везёт, почему это случилось с тобой – ты не знаешь приметы, ты не соблюдаешь приметы. Исправь – и всё в жизни наладится*). При этом появляются и новые предметы: *телефон, телевизор, наручные часы, машина* – знаки эпохи: *Нельзя свои вещи в чужих машинах оставлять – к беде это; Не подбирайте чужих телефонов – это может навлечь беду; Если с тобой в кадр попадёт чужой мужчина, любовь случится*.

Решая вопрос о том, как соединить известное с неизвестным, нужно опираться на предшествующий опыт, однако такой опыт, по мнению бабы Нины, отсутствует у большинства людей. В этом случае примета заменяется определённым суждением, имеющим поучительное значение, требующее соблюдения правил поведения в обществе: *Нельзя надевать чужое кольцо – судьбу повторить; Нельзя чужими гребешками волосы причёсывать – это плохая примета, в личной жизни никогда порядка не будет; Нельзя свои дни рождения в чужом доме отмечать, а чужие в своём; Чужую мелочь собирать и с собой носить, плохая примета, будут ссоры и разногласия*; такие приметы являются очевидными, не требующими доказательств, скорее доказательства даёт сама жизнь: *Нельзя вешать свои и чужие вещи на одну вешалку – это приведёт к большим ссорам; Нельзя вещи любовницы дома хранить – к раздору во всей семье, а не только между мужем и женой*.

В кинематографическом дискурсе приметы «...являются не изолированными, как это имеет место в сборниках, но высказываются в отношении того или другого житейского случая» [2, с. 13], который эксплицирует уже случившееся негативное последствие незнания приметы, традиционно имеющей обобщённое значение без указания на конкретное следствие: *Нельзя свои вещи чужим давать – к несчастью; Нельзя никому давать свой шарф – плохая примета; Нельзя оставлять в доме картины от прежних хозяев, плохая примета; Никому нельзя свои украшения давать, особенно кольца, этим можно страшные беды накликать*. Как правило, следствие маркируется лексемами *счастье/несчастье*, беда или словосочетаниями *плохая (дурная) примета / хорошая (счастливая) примета* и т.п. Кинематографический дискурс индивидуализирует приметы, привязывая их к определённому субъекту, и эксплицирует следствие, выстраивая его перед условием, при этом следствие может получить полиаспектное прочтение: *Нельзя брать и хранить у себя чужие украшения против воли хозяина, иначе отдадите свою любовь, хотите этого или нет; Нельзя, чтобы мужской шарф лежал в чужом доме, иначе хозяйка будет иметь власть над мужчиной*. Если рассмотреть соотношение названий серий и примет, на основе которых они сформировались, можно сказать, что приметы вербализуют имплицитные значения, они демонстрируют привязку к определённой ситуации, поскольку жизнь человека, его деятельность

проходят в пространстве предметного мира, в котором человека везде подстерегает опасность: *Нельзя, чтобы другая женщина выбирала украшения жене, иначе она не сможет завести детей; Нельзя, чтобы женщине кто-то колготки покупал, под чужое влияние попасть может; Надевать на себя чужую одежду – плохая примета, так можно всю жизнь запутать; Если ребенок по ошибке постороннего мужчину папой назвал, то этот человек может стать ему папой; Если кому-то позволить завязывать шнурки, узлы на шапке, то в чужие руки перейдут ваше здоровье и удача.*

Заключение

Таким образом, так называемые «псевдо-приметы», построенные по модели исконных примет, демонстрируют основные причины обращения к ним в разного рода дискурсах, связанных с современным человеком. В кинематографическом дискурсе приметы используются прежде всего в качестве исходного элемента для

организации сериала и привлечения внимания зрителя. Чтобы сериал мог заинтересовать, он должен строиться, с одной стороны, на стереотипных ситуациях, а с другой, обобщая, должен индивидуализировать картину мира конкретного зрителя. Приметы создают иллюзию того, что в случайных событиях можно выявить систему, что частные, индивидуальные события могут быть осмыслены как обобщённые ситуации с характерными составляющими, на фоне которых возникает эффект плацебо: уверенность в том, что соблюдение каких-либо условий поможет избежать, предупредить, отсрочить наступление негативных следствий определённых действий человека. Создаётся иллюзия того, что приметы, с одной стороны, помогают всё контролировать, а с другой стороны – помогают снизить психологическое напряжение, снимают с человека ответственность за принятие решений, особенно когда рационального поведения бывает недостаточно.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М.: Советская Россия, 1986. 368 с.
2. Богородицкий В.А. Психология поэтического творчества. Казань: типо-литография Императорского Ун-та, 1900. 27с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. Том 3. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. 480 с.
4. Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах и поговорках. СПб., 1901-1905. Т.4. 700 с.
5. Крушевский Н.В. Заговоры как вид русской народной поэзии // Варшавские университетские известия. Варшава, 1876. № 3. С. 3-69.
6. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 432 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 994 с.
8. Панкеев И. Тайны русских суеверий. М.: Яуза, 1997. 200 с.
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
10. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков: тип. «Мирный труд», 1913. 225 с.
11. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Огиз, 1945. 686 с.
12. Фаттахова Н.Н., Кулькова М.А. Народные приметы в разноструктурных языках: монография. М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. 252 с.
13. Фаттахова Н.Н. Семантика альтернативной мотивации в народных приметах // Филология и культура. Philology and culture. 2015, № 2. С. 122-127.
14. Харченко В.К. Язык народной приметы // Русский язык в школе. М., 1992. № 1. С. 78-82.
15. Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 154-178.
16. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
17. Lepori Gabriele, Dark Omens in the Sky: Do Superstitious Beliefs Affect Investment Decisions? Дата обновления 08.06.2009 URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1428792 (дата обращения 01.11.1017).

Сведения об авторе:

Фаттахова Наиля Нурийхановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского (Приволжского) федерального университета. Сфера научных и профессиональных интересов: синтаксис современного русского языка, русская и сопоставительная паремиология, методика преподавания русского языка как родного, иностранного и неродного. Email: n-fattahova@mail.ru.

PSEUDO-OMENS: BELIEVE THEM OR NOT?

Nailya N. Fattakhova

Kazan (Volga region) Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation.

The Abstract: *Omens are considered to be one of the ancient ways of coding everyday behavior, unquestioning observance of which guaranteed the archetypal person stability and well being in everyday life. Household omens fix the codification of everyday life, making them in the form of stable, well-structured models that have survived almost unchanged.*

The aim of the work is to investigate the so-called "pseudo-omens", which are the basis of the television series "Blind" (638 series), the specifics of their functioning in the time continuum. The presented paradigm of new omens explicates new properties and features of the ancient genre on the basis of system and non-system connections arising at the intersection of the main semantic coordinates. The author builds a special model type of omens, indicating an attempt to mythologize the consciousness of a modern man, because television as an effective means of suggestion blurs the line between reality and the fictional world. The results of more than 30 years study show that while meteorological and agricultural omens gradually turn into a passive reserve of the Russian language, household omens are actively used in different groups of the population. Among the arguments in favor of this conclusion, we can note the emergence of a significant number of scientific studies focused on the description of superstitions and the search for an answer to the following questions: why superstitions were created, why they are still used, why we believe in them. The material of the article allowed to formulate an explanation of the grounds for predicting the most likely causes of such a wide spread of household omens.

Key Words: *household omens, codification of everyday life, structure of omens, semantic and syntactic relations.*

References

1. Afanas'ev A.N. Narod-hudozhnik: Mif. Fol'klor. Literatura [People-artist: a Myth. Folklore. Literature]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1986. 368 s.
2. Bogorodicky V.A. Psihologiya poeticheskogo tvorchestva [Psychology of poetic creativity]. Kazan': tipo-litografiya Imperatorskogo Un-ta, 1900. 27s.
3. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda [Progres of the Russian People]. Tom 3. SPb: TOO "Diamant", 1996. 480 s.
4. Ermolov A.S. Narodnaia sel'skokhoziaistvennaia mudrost' v posloviatsakh i pogovorkakh [Folk agricultural wisdom in proverbs and sayings.]. Spb., 1901-1905. T.4. 700 s.
5. Krushevskiy N.V. Zagovory kak vid russkoi narodnoi poezii [Conspiracies as a type of Russian folk poetry] // Varshavskie universitetskie izvestiia. Varshava, 1876. № 3. S. 3-69.
6. Mechkovskaia N.B. Semiotika: Iazyk. Priroda. Kul'tura [Semiotics: Language. Nature. Culture]: kurs lektсий: Ucheb. posobie. M.: Izdatel'skii centr «Akademiiia», 2004. 432 s.
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4-e izd., dopolnennoe. M.: Azbukovnik, 1999. 994 s.
8. Pankeev I. Tainy russkikh sueverii [Secrets of the Russian superstitions]. M.: Yauza, 1997. 200 s.
9. Permyakov G.L. Osnovy strukturnoi paremiologii [Fundamentals of structural paremiology.]. M.: Nauka, 1988. 236 s.
10. Potebnia A.A. . Mysl' i iazyk [Thought and language.]. Har'kov: tip. «Mirny trud», 1913. 225 s.
11. Tolstoi L.N. Voina i mir [War and peace]. M.: Ogiz, 1945. 686 s.
12. Fattahova N.N., Kul'kova M.A. Narodnye primety v raznostrukturnykh iazykakh [Folk omens in structurally different languages]: monografiia. M.: FLINTA : Nauka, 2013. 252 s.
13. Fattahova N.N. Semantika al'ternativnoi motivatsii v narodnykh primetakh [Semantics of alternative motivation in folk superstitions] // Filologiya i kul'tura. Philology and culture. 2015, № 2. S. 122-127.
14. KHarchenko V.K. Iazyk narodnoi primety [The Language of folk omens] // Russkii iazyk v shkole. M., 1992. № 1. S. 78-82.
15. Civ'yan T.V. Mifologicheskoe programmirovaniye povsednevnoi zhizni [Mythological programming of everyday life] // Etnicheskie stereotipy povedeniia. L.: Nauka, 1985. S. 154-178.
16. Cheremisina M.I., Kolosova T.A. Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniia [Essays on the theory of complex sentences]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 197 s.

17. Lepori Gabriele, Dark Omens in the Sky: Do Superstitious Beliefs Affect Investment Decisions? Data obnovleniia 08.06.2009
URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1428792 (data obrashcheniia 01.11.1017).

About the author:

Nailya N. Fattakhova – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign Philology, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Russia). Spheres of research and professional interest: syntax of modern Russian, Russian and comparative paremiology, methods of teaching Russian as a native, foreign and non-native.
E-mail: n-fattahova@mail.ru.

* * *